

Научная статья
УДК 113.371.041
DOI: 10.18384/2949-5148-2026-2-91-101

ДИНАМИКА ПОДЛИННОГО БЫТИЯ: ОТ КРИТЕРИЯ НЕОТТОРГАЕМОГО К ЦИКЛУ ИММАНЕНТНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

Сахневич С. В.

*Институт деловой карьеры, г. Москва, Российская Федерация
e-mail: crash68@yandex.ru*

Поступила в редакцию 23.11.2025

После доработки 12.12.2025

Принята к публикации 28.12.2025

Аннотация

Цель. Сформировать новую онтологическую концепцию аутентичности, преодолевающую пролиферацию интерпретаций в рамках экзистенциальной философии путём введения однозначного демаркационного критерия и динамической процессуальной модели.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляют критический анализ классических подходов к проблеме аутентичности и последующая философская редукция. Методология включает деконструкцию «лазеек» для самообмана в существующих теориях, разработку жёсткого онтологического критерия («неотторгаемое» / «отторгаемое») и построение динамической модели «цикла имманентного становления» на основе универсального паттерна экзистенциального цикла.

Результаты. Введено и обосновано фундаментальное разграничение между неотторгаемым (тело, ум, воля) и отторгаемым (внешний мир, социальные роли), где тело выступает онтологической границей и главным полигоном аутентичного бытия. Установлено, что аутентичность проявляется исключительно в процессе развития неотторгаемого («рост внутрь»), требующего прямого и болезненного усилия. Внедрены динамическая модель цикла имманентного становления (вход → рост → зрелость → упадок) и операциональный жест *Transitus Statim* для преодоления экзистенциальной стагнации и перехода к новому циклу развития через тройное темпоральное перекодирование. Сформулирован однозначный критерий и процессуальная траектория для демаркации и реализации подлинного бытия.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость заключается в радикальном упрощении дискурса аутентичности, преодолении статичности классических подходов и создании универсальной онтолого-процессуальной модели для экзистенциального анализа. Практическое значение состоит в разработке инструментария для деконструкции симулякров, диагностики экзистенциальных кризисов и выстраивания жизненной стратегии, ориентированной на интегральное восхождение через последовательные акты саморазвития и темпорального перекодирования.

Ключевые слова: аморальность, аутентичность, мораль как увольнительная карта от работы над собой, неаутентичность, неотторгаемое и отторгаемое как онтологический критерий, универсальный паттерн экзистенциального цикла, цикл имманентного становления, *Transitus Statim* как мгновенный переход

Для цитирования:

Сахневич С. В. Динамика подлинного бытия: от критерия неотторгаемого к циклу имманентного становления // Современные философские исследования. 2026. № 2. С. 91–101. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-91-101>.

Original research article

THE DYNAMICS OF AUTHENTIC BEING: FROM THE CRITERION OF THE INALIENABLE TO THE CYCLE OF IMMANENT FORMATION

S. Sakhnevich

Institute of Business Career, Moscow, Russian Federation

e-mail: crash68@yandex.ru

Received by the editorial office 23.11.2025

Revised by the author 12.12.2025

Accepted for publication 28.12.2025

Abstract

Aim. To formulate a new ontological concept of authenticity that overcomes the proliferation of interpretations within existential philosophy by introducing an unambiguous demarcation criterion and a dynamic process model.

Methodology. The research mainly consists of critical analysis of classical approaches to the problem of authenticity and a subsequent philosophical reduction. The methodology involves deconstructing the “loopholes” for self-deception in existing theories, developing a rigid ontological criterion (the *inalienable / alienable*), and constructing a dynamic model of cyclic becoming (the cycle of immanent becoming).

Results. A fundamental distinction between *the inalienable* (body, mind, will) and *the alienable* (external world, social roles) is introduced and substantiated, with the body serving as the ontological boundary and primary testing ground for authentic being. It is established that authenticity manifests itself exclusively in the process of developing the inalienable (inward growth), which requires direct and painful effort. A dynamic model of the cycle of immanent becoming (*ingressio* → *ascensio* → *potentia* → *declinatio irreversibilis*) is proposed, along with the operational gesture of *Transitus Statim* to overcome existential stagnation and transition to a new development cycle through triple temporal recoding. An unambiguous criterion and a processual trajectory for demarcating and realizing authentic being are formulated.

Research implications. The theoretical significance lies in the radical simplification of the discourse of authenticity, overcoming the static nature of classical approaches, and creating a universal ontological-processual model for existential analysis. The practical value consists in developing a toolkit for deconstructing simulacra, diagnosing existential crises, and building a life strategy focused on integral ascent through consistent acts of self-development and temporal recoding.

Keywords: amorality, authenticity, cycle of immanent becoming, inauthenticity, morality as self-development avoidance, *Transitus Statim* as instantaneous transition, universal pattern of existential cycle, the inalienable and the alienable as ontological criteria

For citation:

Sakhnevich, S. V. (2026). The Dynamics of Authentic Being: From the Criterion of the Inalienable to the Cycle of Immanent Formation. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 91–101. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2026-2-91-101>.

Введение

Европейская мысль, находящаяся между Сциллой уникальности и движения к смерти [1, р. 41] и Харибдой абсолютной морали [2, с. 124], породила бесчисленные симулякры аутентичности. Среди них вы-

кристаллизовались две фундаментальные опасности, которые их порождают [3, с. 136]. С одной стороны, это всеобщий моральный закон: расти, чтобы совершенствовать мир [2, с. 215]. Например, аскет, ушедший от мира и культивирующий свою

добрую волю, но не помогающий другим, безнравственен [4, с. 134]. Риск здесь в том, что мораль используется как увольнительная карта от работы над собой [5, с. 38]. С другой стороны, как достижение (1) аутентичности в контексте (2) движения к смерти [6, с. 25]. Что касается аутентичности, уход от толпы [1, р. 163] ведёт к оправданию нарциссического декаданса под маской «прислушивания к бытию» [7, с. 89], а «лесная прогулка» вместо бега в мире, требующем предельного напряжения сил, становится лазейкой, которую эта философия невольно приоткрывает. Бытие же к смерти разбивается об экзистенциальный цикл «вход – рост – зрелость – упадок», последний этап которого всегда наступит *внутри* жизни задолго до физической смерти. Dasein ещё биологически жив, но его экзистенциальный проект завершён. Он уже не «становится», а «доживает» [8, с. 162].

Выбор не случайно пал на эти две фундаментальные опасности. Они не просто два имени среди многих, а два символа онтологических тупиков [9, с. 192]. Именно между поглощением всеобщим моральным законом и раздроблением о скалы абсолютной уникальности в результате признания смерти (смерть в любом случае твоя, в отличие от жизни) и блуждает современный дискурс [10, с. 46]. Другие философии, такие как энтелехия [11, с. 45], нигилистическая свобода, воля к власти и другие, безусловно, вносят свои краски в эту палитру [12, с. 15], но это просто вариации на тему этого фундаментального онтологического раскола. Поэтому критика, направленная в адрес этих двух полюсов, бьёт не по частным учениям, а по корневой системе всей западной метафизики, зажатой между долгом и свободой, универсальным и уникальным, будь то оправдание бездействия как алиби «моральных принципов» или самолюбование в позе «непонятого гения», избегающего реального саморазвития, который экзистенциально давно уже умер, хотя биологически ещё жив.

Моральный закон как инструмент легитимации экзистенциальной стагнации

Фундаментальная проблема морального закона заключается в том, что формализм категорического императива при всей его строгости не содержит имманентного критерия для различения подлинного морального усилия и его симуляции. Субъект может сколь угодно последовательно выстраивать свою жизнь в соответствии с максимой долга, внешне демонстрируя безупречную моральную позицию, однако внутренняя мотивация такого поведения может быть глубоко аморальной. На практике это приводит к широко распространённому феномену, когда отсутствие личностного роста – развития воли, ума, телесных способностей – оправдывается алиби служения другим. Такие рассуждения, как «я не развиваю собственные способности, потому что все свои силы отдаю помощи старикам и животным» или «я отказываюсь от работы торговым представителем, чтобы не причинять беспокойства окружающим своей напористой рекламой», представляют собой классические примеры такой рационализации. В данном случае моральный закон, призванный быть выражением автономии, превращается в инструмент легитимации экзистенциальной стагнации, позволяя избежать онтологического напряжения, связанного с реальным развитием тела, воли и разума.

Более того, за внешним, порой даже героическим соблюдением долга часто скрывается неаутентичная стратегия «роста вовне» – стремление к социальному одобрению и конструированию публичной идентичности «нравственного человека». В системе координат, где социальное признание становится ключевым маркером успешности, демонстративная моральная правильность оказывается высоколиквидным символическим капиталом. В результате постоянная внутренняя работа и критическая рефлексия подменяются перформативным культивированием социальных ролей, статусов и внеш-

них маркёров добродетели. Результатом этой подмены становится возникновение устойчивого симулякра – идентичности «морального субъекта», чьё бытие сводится к непрерывной демонстрации соответствия безличным правилам, а не к имманентному процессу становления.

Этот симулякр обладает особой разрушительной силой, поскольку он паразитирует на одном из самых возвышенных человеческих стремлений к нравственному совершенству. Он создаёт иллюзию разрешения экзистенциального конфликта между долгом и склонностью через простой акт выбора в пользу долга, игнорируя при этом необходимость сложной работы по гармонизации этих начал в процессе «роста внутрь». Субъект, попавший в ловушку этого симулякра, оказывается в ситуации, где декларация моральных принципов подменяет собой реальное усилие по их интеграции в ткань собственного бытия, а философская глубина данной этики оборачивается систематически структурированной возможностью для экзистенциального самообмана. Однако преодоление этой ловушки требует не отказа от морали, а введения чёткого онтологического критерия, позволяющего демаркировать подлинное развитие неотторгаемого ядра самости от неаутентичного конструирования отторгаемых социальных идентичностей, сколь бы нравственно безупречными они ни казались.

«Неотторгаемое» и «отторгаемое»: тело как онтологическая граница моральности и аморальности

В противовес трансцендентальному формализму, не содержащему имманентного критерия для различения подлинного морального усилия и его симуляции, предлагается радикально иной подход, основанный на феноменологической данности человеческого существования. Таким операциональным критерием, позволяющим провести однозначную демаркацию между моральностью и аморальностью, предлагается фундаментальное различие «неот-

торгаемого» и «отторгаемого», онтологической границей между которыми служит тело (с кожей как его крайним пределом).

К ядру *неотторгаемого* относится фундаментальная триада «тело – ум – воля», понимаемая как совокупность конститутивных элементов человеческого бытия, обладающих тремя ключевыми атрибутами: (а) неотчуждаемостью без разрушения самой структуры идентичности; (б) непосредственной данностью в опыте саморефлексии; (в) универсальным характером для человеческого существования как такового. В эту категорию входят телесность как базовый модус бытия-в-мире, обеспечивающий саму возможность перцепции и действия, базовые ментальные функции (восприятие, память, мышление), образующие каркас сознания, и воля как экзистенциальная возможность самоопределения, составляющая условие человеческой свободы.

В диалектической оппозиции неотторгаемому находится слой *отторгаемого*, включающий проективные атрибуты и внешние роли – социальные статусы, имущественные отношения, институциональные позиции. Эти элементы характеризуются тремя признаками: (а) их существование опосредовано социальными и культурными контекстами; (б) они могут быть утрачены или заменены без катастрофического разрушения самости; (в) они обладают вариативным и исторически изменчивым характером. К отторгаемому относятся все формы экстернализованной идентичности, чьё существование зависит от признания Другим.

Выбор физических границ тела в качестве демаркационного критерия имеет глубокое онтологическое обоснование. Именно здесь, в пространстве «неотторгаемого», разворачивается подлинная и наиболее трудная битва за мораль. В то время как «рост вовне» – конструирование социальных ролей, приобретение статусов – часто представляет собой тактику избегания себя, развитие тела требует прямого и болезненного столкновения с собственной конечностью, слабостью и инертностью.

Тело представляет собой не просто объект среди других объектов, но первичную данность человеческого существования, фундаментальное условие любого восприятия и смыслообразования. И именно поэтому работа с ним является столь сложной: все экзистенциальные переживания – от самых возвышенных до самых тривиальных – опосредованы телесным опытом, который невозможно делегировать или симулировать. Внешний мир можно обустраивать постепенно, дозируя усилия, развитие же тела – это имманентный штурм, где каждая победа над инерцией покупается ценой прямой боли – боли в мышцах, преодоления усталости, «собираения воли в кулак».

Физические границы, таким образом, приобретают онтологический статус через свою конститутивную роль в формировании идентичности, поскольку именно через этот трудный, часто мучительный телесный опыт происходит первичное и самое честное самоопределение человека в мире. Боль в теле – это не просто физиологический процесс, но и модус бытия-в-мире, который с беспощадной прямоотой раскрывает специфику человеческого существования в его фундаментальной уязвимости и конечности. В этом заключается ключевое отличие: развитие внешнего мира часто обезличено и комфортно, тогда как развитие тела – это всегда личное испытание, встреча с само-сопротивлением, проявленным через физиологические страдания.

Телесные ограничения не всегда являются внешними препятствиями для духа (при пожаре и слабая женщина может вынести сундук, который в обычной ситуации ей не под силу), но конституируют сам способ человеческого существования, задавая пределы возможного и определяя характер взаимодействия с миром. Преодолевать их значит вести работу на самой границе «неотторгаемого». Физическая уязвимость, в свою очередь, определяет экзистенциальные возможности, поскольку именно через осознание конечности и хрупкости тела, через прямое переживание боли и

необходимости прилагать волевое усилие человек обретает подлинное, а не декларативное отношение к собственной жизни. Таким образом, тело становится не просто критерием, но и главным полигоном аутентичного бытия, где развитие даётся ценой самого прямого и неприукрашенного усилия.

В этом контексте «кожа» служит не буквальным анатомическим барьером, но мощным символом фундаментального различия между имманентным и трансцендентным, между внутренним миром самости и внешним миром объективности. Физические границы метафорически выражают онтологические пределы этой самости, обозначая ту черту, за которой начинается область отчуждённого, внешнего и потенциально неаутентичного. Этот критерий обладает неоспоримым операциональным преимуществом – он конкретен, универсален и избегает субъективных оценок, позволяя чётко дифференцировать практики «роста внутрь» (развитие неотторгаемого) от стратегий «роста вовне» (конструирование отторгаемого).

Подлинность в контексте движения к смерти как лазейки для экзистенциального самоуспокоения

Аутентичность в философии экзистенциализма представляет собой фундаментальный способ человеческого существования, достигаемый через осознанное принятие собственной *смертности*. В таких работах утверждается, что подлинное бытие возможно только через «бытие-к-смерти». Именно смерть, будучи уникальной возможностью, которую нельзя пережить за другого или делегировать, обнажает конечность человеческого существования и придаёт жизни характер целостного проекта, за который человек несёт полную ответственность.

Осознав это, человек достигает аутентичного состояния, которое отличается от существования неподлинного, при котором человек уклоняется от тревоги, вызванной осознанием конечности, и мо-

жет существовать в режиме «спокойного ожидания», где решения откладываются, а жизнь течёт по шаблонам, заданным извне [1, p. 234].

Мы разделим эту концепцию на два компонента: аутентичность как таковая и движение к смерти как таковое, поскольку они и друг без друга являются самодостаточными [6, с. 26], и каждый по-своему создаёт условия для подмены онтологического требования постоянного саморазвития герменевтическим оправданием экзистенциальной стагнации и содержит имплицитные механизмы самообмана.

Противоречие аутентичности проявляется в двусмысленности уединения как экзистенциальной практики: с одной стороны, оно может представлять собой аутентичный акт концентрации на собственном экзистенциальном расположении (*Befindlichkeit*), с другой – легко трансформируется в неаутентичное конструирование социальной роли «маргинального мыслителя» или симулякра «аутентичного отшельника» [5, с. 39]. Эта принципиальная неразличённость позволяет интерпретировать один и тот же феноменологический акт диаметрально противоположными способами, создавая системную «лазейку» для рационализации пассивности. Ровно как и решимость (*Entschlossenheit*), которая, будучи лишённой чёткого демаркационного критерия, оказывается содержательно пустой и может быть направлена как на интенсивное развитие когнитивных и волевых способностей, так и на перформативное культивирование внешних атрибутов «подлинности» [13, с. 21]. Отсутствие операциональных маркёров подлинности создаёт условия, при которых «решимость быть собой» рискует выродиться в «решимость отдохнуть на природе». Дискурс при всей своей феноменологической тонкости неявно поощряет подмену онтологического усилия интерпретационным комфортом. Вместо напряжённой работы по развитию ума / воли / тела субъект получает философски легитимированную возможность довольствоваться интерпретацией

собственного бытия как «подлинного» в силу самого факта ухода от публичности.

Концепция аутентичности не работает из-за возможности отсутствия в ней одного компонента – «роста ради роста», что делает аутентичного человека *Das Man*, а неаутентичного – *Dasein*. Идея «роста ради роста» фокусируется на *процессе* постоянного самосовершенствования, а не на достижении какого-то фиксированного состояния, а затем ухода на покой. Это позволяет более точно отразить динамику человеческого существования и неизбежность изменений, с которыми сталкивается каждый человек. Критерий «роста ради роста» предоставляет более объективный критерий для оценки подлинности. Он позволяет отличить подлинное стремление к самосовершенствованию от поверхностного эгоизма или конформизма. «Рост ради роста» предполагает постоянную открытость к новому опыту, новым знаниям и новым точкам зрения. Это позволяет человеку расширять свой горизонт и избегать застоя в своём развитии.

Даже если *Das Man* придерживается общественно-политических идеалов, его *искреннее стремление к преобразованию общества и улучшению жизни людей* (вне зависимости от правильности выбранного пути) свидетельствует о наличии личного роста, что сближает его с *Dasein*. Напротив, если карьерные достижения и личные амбиции *Dasein не связаны с иррациональным стремлением к росту и развитию*, а скорее являются инструментом для того, чтобы избежать ответственности, это делает его примером *Das Man*, несмотря на его интеллектуальный индивидуализм. Он, подобно Климу Самгину из романа Горького «Жизнь Клима Самгина», постоянно пытается занять позицию «над схваткой», отстраняясь от происходящих событий и сосредотачиваясь на использовании концепции уникальности как свободы от обязательств, связанных с ростом.

Далее фетишизация пограничных ситуаций, когда абсолютизация «бытия-к-смерти» как единственного горизонта подлинности игнорирует ту очевидность, что

«смерть» в результате истощенности экзистенциального цикла может наступить до смерти. Аутентичность рождается не из размышлений о конечном конце, а из столкновения с «малыми концами» внутри жизни, которые выступают безжалостными учителями, напоминающими о нашем главном, конечном условии существования.

Парадоксально, но фиксация на «бытии-к-смерти» может обернуться тем, что экзистенциальная жизнь фактически прекращается задолго до биологической кончины, превращаясь в «доживание-к-смерти». Подлинное бытие разворачивается не в линейном ожидании конца, а в последовательности внутренних трансформаций, каждая из которых имеет структуру завершённого цикла. Универсальный паттерн экзистенциального цикла «вход (ingressio) → рост (ascensio) → зрелость (potentia) → необратимый упадок (declinatio irreversibilis)» признан фундаментальным для любой сложной адаптивной системы, что находит подтверждение в множестве междисциплинарных исследований, одним из которых является маркетинг [14, с. 345] (рис. 1).

Ключевой точкой кристаллизации временного экзистенциального кризиса, обозначаемого как метаконфликт, является фаза «упадка». Здесь происходит катастрофический разрыв между циклическим временем системы и внутренним временем субъекта. Система требует продолжения цикла: смены парадигмы как нового витка роста и бесконечной оптимизации [15, р. 156]. Субъект же экзистенциально истощает парадигму этого конкретного цикла. Его внутреннее время (время смыслопорождения, «душа») больше не может наполнять внешние действия («акты») содержанием. Возникают «радикальная скука» и «духовная истощенность». Метаконфликт – это и есть переживание этого разрыва, паралич, возникающий на стыке императива системы «Достигай больше!» и экзистенциальной невозможности субъекта: «Я в этой области знаю всё больше и больше, и скоро буду знать всё о ничего».

Однако фаза «упадка» в предлагаемой логике – это не только крах, но и момент экзистенциального выбора, точка бифуркации. Именно здесь достигает пика

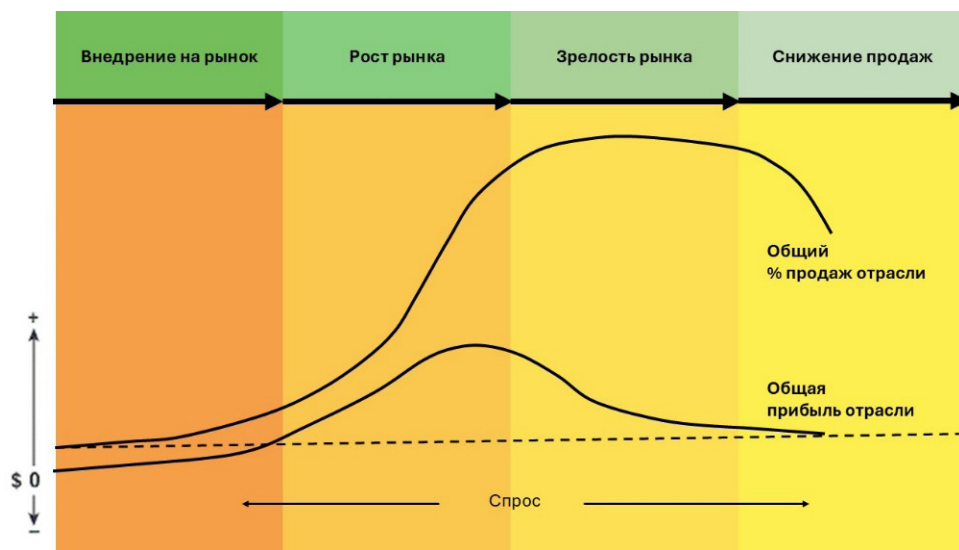

Рис. 1 / Fig. 1. Универсальный паттерн экзистенциального цикла / The universal pattern of the existential cycle

Источник: составлено автором.

метаконфликт, и именно здесь требуется радикальный жест, выводящий за пределы паралича. Таким жестом является *Transitus Statim* (мгновенный переход).

Transitus Statim – это не постепенная эволюция или оптимизация, а операциональный жест диалектического онтологического переназначения. Его ключевой принцип – не «порка дохлой лошади» в той же самой парадигме, а смена самой парадигмы. Это перформативный акт, насильственно прерывающий метаконфликт через тройное темпоральное перекодирование:

- из травмирующего груза неудач и «потраченного впустую» времени *прошлое* превращается в архив ресурсов и сырья для нового цикла;

- из «тиранического настоящего», запертого в симулякрах, *настоящее* становится пластичной зоной операционально-го жеста, точкой приложения воли;

- из детерминированного линейного продолжения настоящего *будущее* становится горизонтом непредопределённых возможностей, открытым актом переназначения.

Transitus Statim представляет собой не просто связанный элемент, а центральный операциональный механизм, запускающий и обеспечивающий непрерывность цикла имманентного становления. Чтобы понять эту связь, необходимо рассмотреть логическую архитектуру предложенной онтологической модели.

Универсальный паттерн экзистенциального цикла, описываемый как последовательность *вход* → *рост* → *зрелость* → *упадок*, представляет собой онтологическую структуру, траекторию, по которой движется аутентичное бытие, ориентированное на развитие своего «неотторгаемого» ядра (тело – ум – воля). Однако ключевая проблема заключается в фазе *Declinatio Irreversibilis* (необратимый упадок). Это точка экзистенциального паралича, «метаконфликта», где развитие в рамках освоенной парадигмы полностью исчерпывается, и система (личность) оказывается в состоянии «доживания», что означает остановку подлинного бытия и его вырождение в симулякр.

Именно здесь *Transitus Statim* (мгновенный переход) проявляет свою сущность не как этап цикла, а как диалектический скачок, разрыв непрерывности, волевой акт, который насильственно прерывает упадок. Его функция – катализировать переход системы в новое качество, перезапустить цикл становления, но уже на основе новой парадигмы, нового горизонта смыслов и возможностей. Таким образом, имманентное становление – это непрерывный процесс, а *Transitus Statim* – это ключевое событие, которое обеспечивает саму возможность этой непрерывности, не давая аутентичному бытию окончательно угаснуть в фазе упадка. Вместе с *Transitus Statim* универсальный паттерн экзистенциального цикла становится универсальным циклом имманентного становления.

Следовательно, в контексте предлагаемой философской системы *Transitus Statim* является сердцевинной динамикой имманентного становления. Он операционализует принцип «роста ради роста», переводя развитие «неотторгаемого» на новый виток через тройное темпоральное перекодирование (прошлого, настоящего и будущего). Этот жест есть то, что позволяет субъекту не просто пассивно следовать циклу, а активно его возобновлять, «взрывая» старую, исчерпавшую себя парадигму и начиная новый цикл развития, тем самым сохраняя подлинность своего бытия как незавершённого процесса.

Классической литературной иллюстрацией жеста *Transitus Statim* служат нарративы Гарольда Роббинса (см.: “*The Dream Merchants*” (1949), “*The Carpetbaggers*” (1961), “*The Raiders*” (1995)), в частности архетипический сюжет о герое, порывающем с миром секонд-хенда (торговлей подержанной одеждой) для штурма Голливуда.

Ситуация *Declinatio Irreversibilis*: стабильный, но маргинальный бизнес (секонд-хенд) изображается Роббинсом не как надёжный тыл, а как форма экзистенциальной смерти – унижительная «клетка» для амбициозной личности. Это царство *реальности*, лишённой магии и перспек-

тив, где герой «доживает» в плену у вещей, бывших в употреблении.

Жест *Transitus Statim* – решение бросить этот бизнес – это не расчётливый карьерный шаг, а спонтанный импульс, «воля к власти» в ницшеанском ключе. Это акт штурма новой крепости (Голливуда), который трактуется не как безрассудство, а как высшая форма мужества – ключевая черта «сильной личности».

Прошлое (архив): опыт работы в мире секунд-хенда перекодируется из клейма неудачника в ресурс – герой знает цену вещам и деньгам, понимает низовые механизмы торговли, что становится его уникальным преимуществом, его «сырьём» для покорения новой реальности.

Настоящее (пластичная зона): герой переназначает симулякр «успех». Он использует волю, чтобы превратить его из цели («разбогатеть») в инструмент для захвата новой идентичности. Сам акт бегства из мира вещей в мир образов становится перформативным жестом, взламывающим реальность.

Будущее (горизонт возможностей): Голливуд становится не просто местом работы, а пространством для завоевания, где создаются не фильмы, а новые идентичности. Это тот самый новый горизонт, который оправдывает любое насилие над прошлым. Будущее перестаёт быть предопределённым и открывается как поле непредсказуемых возможностей.

Результат: *Transitus Statim* у Роббинса – это не просто смена профессии, а революция личности. Герой осуществляет переход из царства овеществлённой рутины (секунд-хенда) в царство симулякра (Голливуда), который в системе координат романа оказывается *подлиннее* реальности. Метаконфликт между униженным статус-кво и экзистенциальными амбициями разрешается через этот агрессивный захват новых горизонтов.

Онтологическим основанием возможности *Transitus Statim* является диалектическая природа самого симулякра. Симулякр не обладает раз и навсегда заданной сущностью. Его онтологический ста-

тус – «ловушка» или «инструмент» – определяется не имманентными свойствами, а операциональным жестом по отношению к нему. Один и тот же симулякр «карьера» или «успех» может быть как источником паралича, так и инструментом развития в зависимости от модуса его данности сознанию. *Transitus Statim* и есть тот жест, который переводит симулякр из статуса объекта слепой веры, конституирующего реальность паралича, в статус условного инструмента, утилизируемого для имманентного взлома породившей его системы (рис. 2).

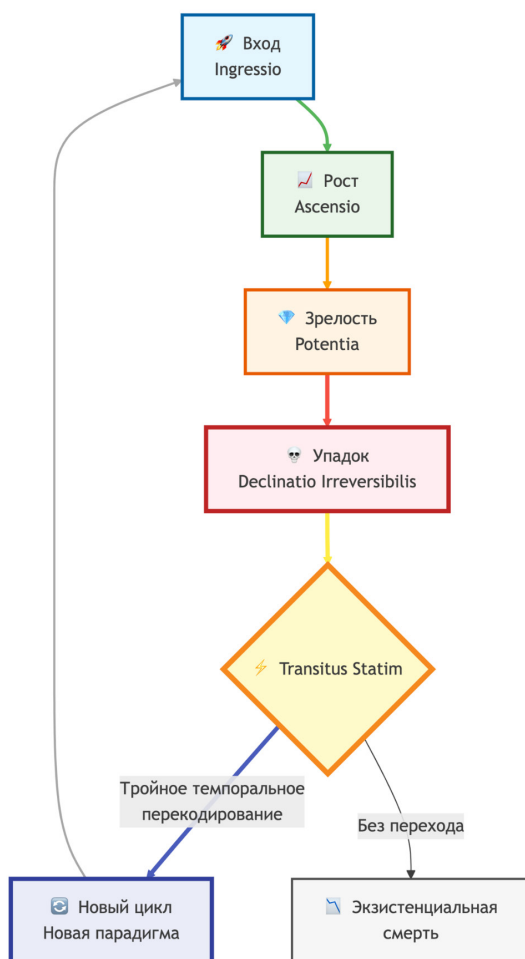

Рис 2 / Fig. 2. Универсальный цикл имманентного становления / The Universal cycle of immanent formation

Источник: составлено автором.

Заклучение

Проведённое исследование позволило разработать новые онтологические концепции, преодолевающие ограничения классических подходов экзистенциальной философии. Введено и обосновано фундаментальное разграничение между «неоторгаемым» (тело, ум, воля) и «оторгаемым» (внешние атрибуты и социальные роли), где физические границы тела служат однозначным онтологическим критерием демаркации подлинного бытия.

Установлено, что аутентичность проявляется исключительно в процессе «роста внутрь» – развития неотторгаемого ядра личности, требующего прямого и болезненного усилия, в отличие от стратегий

«роста вовне», ориентированных на конструирование социальных идентичностей.

Разработана динамическая модель цикла имманентного становления (вход → рост → зрелость → упадок), дополненная операциональным жестом *Transitus Statim*. Этот жест, осуществляемый через тройное темпоральное перекодирование (прошлого, настоящего и будущего), позволяет преодолеть экзистенциальную стагнацию в фазе упадка и осуществить переход к новому циклу развития на основе новой парадигмы.

Предложенная концепция обеспечивает однозначный критерий и процессуальную траекторию для демаркации и реализации подлинного бытия как непрерывного процесса имманентного становления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Heidegger M. *Being and Time*. Oxford: Blackwell Publishers, 2001. 590 p.
2. Кант И. Критика чистого разума. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
3. Курциус Э. Немецкий дух в опасности. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 346 с.
4. Кессиди Ф. Х. Сократ. М.: Мысль, 1976. 198 с.
5. Бродников А. Ю. Массовое общество как основа социального нарциссизма // Сибирский философский журнал. 2024. № 22 (4). С. 35–45. DOI: 10.25205/2541-7517-2024-22-4-35-45.
6. Мирошкин М. С. Антропологический смысл события в фундаментальной онтологии М. Хайдеггера: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2025. № 2. С. 21–35. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-21-35.
7. Елхова О. И. Модусы бытия многомерного человека // Современные философские исследования. 2024. № 3. С. 87–95. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-87-95.
8. Lvov A. A., Osipov I. D. On the Controversies of Phenomenological Search for Being and Truth // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2025. Т. 41. Вып. 1. С. 161–166. DOI: 0.21638/spbu17.2025.114.
9. Дьюи Д. Реконструкция в философии. Проблемы человека. М.: Республика, 2003. 494 с.
10. Шевченко А. А. Виды знания и эпистемическая редукция // Сибирский философский журнал. 2023. № 21 (1). С. 43–50. DOI: 10.25205/2541-7517-2023-21-1-43-50.
11. Аристотель. О душе. М.: Директ-Медиа, 2020. 222 с.
12. Конурбаев М. Э., Ганеева Э. Р. Лингвистика спонтанной устной речи: сопоставительно-когнитивная трансформация // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2023. № 4. С. 9–20. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-1.
13. Докучаев И. И., Карев Б. А., Никоненко С. В. Бытие, сущее и истина. Типология экзистенциальных свидетельств в смысловой структуре мира // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2025. Т. 41. Вып. 1. С. 17–29. DOI: 10.21638/spbu17.2025.102.
14. McCarthy E. J., Perreault W. D. Jr. *Basic Marketing*. Boston: Homewood: Irwin, 2002. 868 p.
15. Montalt-Resurrección V., García-Izquierdo I., Muñoz-Miquel A. *Patient-Centred Translation and Communication*. London: Routledge, 2024. 198 p.

REFERENCES

1. Heidegger, M. (2001). *Being and Time*. Oxford: Blackwell Publishers.
2. Kant, I. (2020). *Critique of Pure Reason*. Moscow: Academicheskii proekt publ. (in Russ.).
3. Curtius, E. (2024). *The German Spirit in Danger*. Moscow: Novoye literarnoe obozreniye publ. (in Russ.).
4. Cassidy, F. H. (1976). *Socrates*. Moscow: Mysl (in Russ.).

5. Brodnikov, A. Yu. (2024). Mass Society as the Basis of Social Narcissism. In: *Siberian Journal of Philosophy*, 22 (4), 35–45. DOI: 10.25205/2541-7517-2024-22-4-35-45 (in Russ.).
6. Miroshkin, M. S. (2025). Anthropological Meaning of Event in M. Heidegger's Fundamental Ontology: A Historical and Philosophical Analysis. In: *Contemporary Philosophical Research*, 2, 21–35. DOI: 10.18384/2949-5148-2025-2-21-35 (in Russ.).
7. Elkhova, O. I. (2024). Modes of Being of a Multidimensional Human. In: *Contemporary Philosophical Research*, 3, 87–95. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-3-87-95 (in Russ.).
8. Lvov, A. A. & Osipov, I. D. (2025). On the Controversies of Phenomenological Search for Being and Truth. In: *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 41 (1), 161–166. DOI: 0.21638/spbu17.2025.114.
9. Dewey, D. (2003). *Reconstruction in Philosophy. Problems of Man*. Moscow: Respublika publ. (in Russ.).
10. Shevchenko, A. A. (2023). Types of Knowledge and Epistemic Reduction. In: *Siberian Journal of Philosophy*, 21 (1), 43–50. DOI: 10.25205/2541-7517-2023-21-1-43-50 (in Russ.).
11. Aristotle. *On the Soul*. Moscow: Direct-Media publ. (in Russ.).
12. Konurbaev, M. E. & Ganeeva, E. R. (2023). Linguistics of Spontaneous Oral Speech: Comparative-Cognitive Transformation. In: *Lomonosov Philology Journal*, 4, 9–20. DOI: 10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-04-1 (in Russ.).
13. Dokuchaev, I. I., Karev, B. A. & Nikonenko, S. V. (2025). Being, Existence, and Truth. Typology of Existential Evidence in the Semantic Structure of the World. In: *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 41 (1), 17–29. DOI: 10.21638/spbu17.2025.102 (in Russ.).
14. McCarthy, E. J. & Perreault, W. D. Jr. (2002). *Basic Marketing*. Boston: Homewood: Irwin.
15. Montalt-Resurrección, V., García-Izquierdo, I. & Muñoz-Miquel, A. (2024). *Patient-Centred Translation and Communication*. London: Routledge.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сахневич Сергей Владимирович (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой лингвистики Института деловой карьеры;
ORCID: 0000-0002-2068-9250, e-mail: crash68@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey V. Sakhnevich (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Head of the Department, Department of Linguistics, Institute of Business Career;
ORCID: 0000-0002-2068-9250, e-mail: crash68@yandex.ru